

Нет автора

**Отчет о 30-м присуждении наград графа
Уварова**

**Приложение к 61 тому Записок имп. академии
наук №7**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 30-м присуждении наград графа Уварова: Приложение к 61 тому Записок имп. академии наук №7 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 140 с.

ISBN 978-5-4241-8511-3

ISBN 978-5-4241-8511-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ,
25-го сентября 1888 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

Для соисканія наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено восемь историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныхъ. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора Конференція Академіи, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря изъ гг. Академиковъ: Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника, В. П. Безобразова и Адъюнкта Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсные произведенія къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока Комисія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе. Внимательно обсудивъ, на основаніи поступившихъ отзывовъ ученыхъ специалистовъ, сравнительное достоинство сочиненій, представленныхъ ихъ авторами на конкурсъ, Комисія присудила четыремъ изъ нихъ малыя Уваровскія преміи, въ 500 р. каждая.

I.

Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. Ник. Ѳеод. Каптерева, профессора Московской Духовной Академіи. Москва 1885 г.

Профессоръ Казанской духовной академіи Петр. Вас. Знаменскій, принявшій на себя, съ предупредительною готовностію, трудъ составленія рецензіи изслѣдованія г. Каптерева, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуетъ, что оно, по обилію и новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ, составляетъ весьма любопытное приобрѣтеніе въ отечественной церковно-исторической литературѣ. «Самое заглавіе и содержаніе сочиненія г. Каптерева, говоритъ ученый рецензентъ, показываютъ, что авторъ поставилъ себѣ задачу обзорѣть характеръ преимущественно религіозныхъ, церковныхъ сношеній Россіи съ востокомъ за періодъ времени, когда Россія, достигнувъ извѣстной степени политическаго могущества, стала освобождаться отъ прежняго церковнаго подчиненія востоку и устроила у себя національную — автокефальную — церковь. Начальными пунктами этого періода авторъ выставляетъ, съ одной стороны, паденіе Греческой имперіи передъ Турками, послѣ котораго Греки принуждены были умѣрить свои притязанія на опеку надъ Россіею и уже сами начали заискивать предъ русскими государями и духовными властями, а съ другой — Флорентійскую унію, послѣ которой пошатнулся авторитетъ греческаго православія въ Россіи».

Въ образованіи возникшихъ послѣ того новыхъ отношеній Руси къ востоку особенную важность, по мнѣнію автора, приобрѣла развившаяся въ XV в. мысль о томъ, что съ паденіемъ Византіи первенство послѣдней надъ всѣмъ православнымъ міромъ унаслѣдовала Москва, которая становится такимъ образомъ *третьимъ Римомъ*, подобно тому, какъ, послѣ отступленія древняго — *перваго* — Рима отъ православія, первенство его перешло къ Византіи — этому *второму Риму*.

По замѣчанію рецензента, именно эту мысль, или теорію, о преемствѣ Москвы Константинополю и, притомъ, въ русско-московскомъ ея смыслѣ, со всѣмъ отличающимъ этотъ смыслъ національнымъ самоузнаніемъ XVI и XVII в. и съ религіозною обрядовою подозрительностію относительно цѣлости греческаго православія, авторъ ставитъ за основное начало для характеристики отношеній Россіи

къ востоку и для изученія относящихся сюда фактовъ; но относительно теоріи *третьяго Рима*, по мнѣнію рецензента, можно поднять вопросъ о томъ, была ли она въ самомъ дѣлѣ на столько въ свое время распространена, чтобы авторъ могъ принять ее за исходную точку въ своемъ изслѣдованіи. Благодаря стремленію въ фактахъ явленій старой жизни постоянно улавливать нѣчто общее, основное, и все разнообразіе фактовъ выводить изъ одного общаго начала, замѣчаетъ г. Знаменскій, мысль автора принимаетъ одно-стороннее направленіе и вся книга представляетъ характеристику только такихъ отношеній между Россією и востокомъ, въ которыхъ выражались подозрительныя и отрицательныя воззрѣнія русскихъ на грековъ, съ одной стороны, и фальшивыя, своекорыстныя стремленія грековъ поживиться на счетъ благочестія русскихъ; — г. Каптеревъ не касается вовсе такихъ между ними отношеній, въ которыхъ, по временамъ, сказывалось уваженіе русскихъ къ православному авторитету востока и непрерывное единеніе между русскою и греческою церквами.

Стремленіе систематизировать факты приводитъ автора къ искусственному и неудобному дѣленію сочиненія на слѣдующіе три главные отдѣла:

I «Москва — третій Римъ» — обнимающій три первыя главы сочиненія.

II «Русскій царь есть опора и покровитель всего вселенскаго православія» (гл. IV — VIII) и

III «Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ» (гл. IX — XI).

Искусственность и даже насильственность этихъ отдѣловъ нерѣдко обнаруживается въ группировкѣ и изложеніи фактовъ; чуть ли не въ каждой рубрикѣ, замѣчаетъ г. Знаменскій, сумма отнесенныхъ къ ней фактовъ видимо рвется вонъ изъ неподходящей для нея рамки, заставляетъ автора измѣнять главную мысль или тему рубрики, располагать свой матеріалъ или часть его около какойнибудь другой мысли, допускать болѣе или менѣе длинныя эпизодическія вставки и прибѣгать къ лишнимъ комментаріямъ съ единственною цѣлью связать въ изложеніи концы съ концами.

Послѣ этой общей характеристики труда г. Каптерева, рецензентъ обращается къ подробному анализу его содержанія, по каждому изъ вышеозначенныхъ трехъ отдѣловъ особо; мы здѣсь ограничимся лишь указаніемъ на важнѣйшіе факты и соображенія, какъ они изложены въ рецензіи.

Въ первыхъ трехъ главахъ, составляющихъ *первый* отдѣлъ, г. Каптеревъ разсматриваетъ тѣ главныя явленія нашей исторіи, которыя должны были сообщить Москвѣ высокое значеніе столицы всего православнаго міра — а именно: переходъ въ нее съ востока царскаго сана, учрежденіе самостоятельнаго Московскаго патріаршества и перенесеніе въ Московское царство восточныхъ святынь. На первыхъ двухъ предметахъ, довольно разработанныхъ уже и раньше, авторъ специально не останавливается и къ тому же, подъ вліяніемъ преобладающей въ немъ склонности къ систематикѣ, замѣтно старается разсказъ склонять къ соглашенію со своею основною мыслью. — Такъ напр., говоря о принятіи Іоанномъ Грознымъ царскаго сана, г. Каптеревъ утверждаетъ, будто царь домогался у восточныхъ іерарховъ признанія за нимъ *вселенскаго* царскаго сана, въ значеніи греческаго βασιλευς'а, тогда какъ, на оборотъ, именно сами восточные іерархи и стали, въ своихъ сношеніяхъ съ Россією, подсказывать царю эту мысль — въ предположеніи, что этимъ путемъ стѣмѣютъ подчинить Іоанна своему вліянію черезъ новое греческое вѣнчаніе на царство, а кстати возложить на него и всѣ выгодныя для нихъ новыя обязанности въ отношеніи къ восточнымъ церквамъ. При такихъ обстоятельствахъ политическое значеніе отказа Іоанна отъ предложеннаго ему новаго вѣнчанія гораздо серьезнѣе, чѣмъ объясненіе г. Каптерева, будто отказъ Іоанна обусловливался лишь сомнѣніями царя относительно чистоты греческаго православія.

Равнымъ образомъ, говоря объ учрежденіи Русскаго патріаршества, г. Каптеревъ принимаетъ въ расчетъ лишь факты, болѣе подходящіе къ его предвзятой мысли, будто патріаршество нужно было Москвѣ, какъ *третьему Риму*; здѣсь не принято во вниманіе національное стремленіе Россіи къ устроенію у себя самостоятельной, независимой церкви, начавшееся задолго до возвышенія Москвы.

Наконецъ, разсказывая о томъ, какъ, при учрежденіи особаго русскаго патріаршества, на первыхъ порахъ предлагали Константинопольскому патріарху Іереміи остаться въ Россіи, а когда онъ на это сталъ склоняться, то постарались устранить его, г. Каптеревъ фактъ этотъ объясняетъ не по указаніямъ историческихъ памятниковъ, а подъ вліяніемъ предвзятой мысли о томъ, будто Русскіе, дорожа чистотою и полнотою своего христіанскаго благочестія, въ назначеніи главою Русской церкви патріарха — грека усматривали серьезную опасность для истиннаго православія; въ статьномъ же спискѣ, при описаніи совѣщанія объ этомъ пред-

метѣ царя съ боярами, упущенномъ г. Каптеревымъ вовсе изъ виду, дѣло объясняется проще, — царю не хотѣлось отпустить отъ себя митр. Иова и начать управлять духовными дѣлами съ патриархомъ чужеземцемъ, сносясь съ этимъ послѣднимъ черезъ толмача.

Съ третьей главы I отдѣла, трактующей о перенесеніи въ Москву святынь православнаго Востока, начинается вполне самостоятельная работа ученаго изслѣдователя, поражающая читателя въ каждой своей части эрудиціею и замѣчательнымъ ученымъ талантомъ. Самые факты, собранные здѣсь, заключаетъ рецензентъ свой обзоръ I отдѣла, «полны въ изложеніи автора художественной выразительности, а, по своей новостности въ нашей исторической литературѣ, возбуждаютъ глубокий интересъ въ изучающихъ древне-русскую — особенно религіозную — жизнь».

Переходя къ обзорѣню *второю* отдѣла, г. Знаменскій замѣчаетъ, что хотя вредное вліяніе фиктивной системы автора сказывается и здѣсь, но, зато, въ этомъ же отдѣлѣ авторъ удачно воспользовался своимъ талантомъ систематизаціи: «...въ массѣ самыхъ мелкихъ и скучныхъ фактовъ онъ разбирается быстро и легко, умѣлою рукою разсортировываетъ ихъ по разнымъ классамъ, отыскиваетъ въ извѣстномъ рядѣ ихъ общую руководящую идею и болѣе или менѣе важный историческій смыслъ, потому каждый изъ нихъ искусно ставитъ на самое выгодное для его освѣщенія мѣсто и составляетъ изъ нихъ цѣлый рядъ такихъ стройныхъ и осмысленныхъ историческихъ очерковъ, что весь этотъ отдѣлъ читается съ начала до конца съ неослабѣвающимъ, даже съ усиливающимся интересомъ и, притомъ, интересомъ какъ научнымъ, такъ даже и литературнымъ. Въ пяти главахъ этого отдѣла изображаются: 1) благотворительность Русскихъ государей православному Востоку въ XVI и XVII в., 2) злоупотребленія благотворительностью со стороны разныхъ восточныхъ просителей милостыни; 3) поставленія правительства относительно ограниченія ихъ пріѣзда въ Россію; 4) услуги, оказанныя Россіи разными представителями востока, въ качествѣ политическихъ агентовъ, и наконецъ 5) признаніе Русскимъ правительствомъ, въ концѣ XVII в., своею историческою миссіею освобожденіе православнаго востока отъ турецкаго ига. Вообще этотъ отдѣлъ, по замѣчанію рецензента, составляетъ капитальнѣйшую часть книги и авторъ ею одною и могъ бы ограничиться въ своемъ изслѣдованіи, давъ ей только болѣе широкую постановку, дополнивъ ее нѣкоторыми фактами и мыслями изъ I и III от-

дѣловъ и пріобщиивъ отсутствующія извѣстія о церковныхъ сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ, въ которыхъ сказывалось уваженіе Россіи къ православному авторитету востока и единеніе частныхъ православныхъ церквей.

Содержаніе этого отдѣла, продолжаетъ г. Знаменскій, близко сходится съ содержаніемъ извѣстнаго сочиненія Муравьева «Сношенія Россіи съ Востокомъ», но, по научному достоинству, между послѣднимъ сочиненіемъ и трудомъ г. Каптерева замѣчается громадная разница: кромѣ массы фактовъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ сокровищъ и впервые обслѣдованныхъ, разсматриваемое сочиненіе превосходитъ сочиненіе Муравьева высокими достоинствами серьезнаго научнаго изученія предмета, а равно историко-прагматическаго его выясненія и изложенія.

Не останавливаясь на подробной передачѣ замѣчаній, дѣлаемыхъ г. Знаменскимъ при разсмотрѣніи каждой изъ вышеозначенныхъ пяти главъ, составляющихъ II отдѣлъ, сошлемся лишь на то, что рецензентъ говоритъ по поводу IV, VII и VIII главъ книги г. Каптерева.

Среди многихъ любопытныхъ фактовъ, сопоставленныхъ въ IV гл. (таковы напр. мало доселѣ разработанныя извѣстія о томъ, что гречанъ, поселявшихся въ Россіи на жительство, русскіе, предварительно пріема въ церковное общеніе съ собою и особенно передъ допущеніемъ къ церковнымъ должностямъ, «исправляли въ вѣрѣ»), у автора особенно выдаются характеристики личностей и дѣйствій вліятельныхъ выходцевъ съ востока. Этому предмету посвящено пространное мѣсто въ книгѣ (болѣе 50 стр.); эти мастерскіе очерки составлены большею частью по совершенно новымъ матеріаламъ и, по замѣчанію рецензента, читаются съ большимъ интересомъ. Нѣсколько интересныхъ и новыхъ данныхъ встрѣчаются въ характеристикѣ даже такого виднаго лица, какъ *Паисій Лшаридъ*, о которомъ у насъ писано довольно. Особенную же цѣну въ научномъ отношеніи имѣетъ статья г. Каптерева о справщикѣ Никоновскаго времени Арсеньѣ Грекѣ; большая часть подробностей для характеристики его извлечена изъ слѣдственнаго о немъ дѣла, которое составляетъ архивную находку г. Каптерева и было имъ издано въ 1881 г. въ «Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія»; но, по мнѣнію г. Знаменскаго, авторъ къ замѣчательной личности Арсенія Грека относится слишкомъ отрицательно и если намѣренное усиленіе красокъ въ обрисовкѣ дурныхъ чертъ замѣчается у г. Каптерева и въ другихъ характеристикахъ опи-

сываемыхъ имъ вліятельныхъ гречанъ, то въ характеристикѣ Арсенія онъ становится прямо на *старовѣрскую* точку зрѣнія и невольно заставляетъ припомнить осторожный и настоящій историческій отзывъ о личности Арсенія, сдѣланный покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ. Считая обвиненія автора противъ Арсенія недоказанными съ его стороны, г. Знаменскій прибавляетъ: «мы не можемъ, конечно, согласиться и съ тѣми обвиненіями, какія потомъ, вмѣстѣ съ нашими старовѣрами, г. Каптеревъ взводитъ изъ-за Арсенія и на патріарха Никона, допустившаго этого подозрительнаго гречанина къ исправленію церковныхъ книгъ — обвиненія эти имѣютъ особенную силу среди старовѣровъ даже и до настоящаго времени, но падаютъ сами собою, если припомнить, что Арсеній правилъ книги не безъ надзора церковной власти и, притомъ, въ сообществѣ съ другими справщиками, а между прочимъ и съ знаменитымъ Арсеніемъ Сухановымъ — горячимъ патріотомъ, ревнителемъ обрядности и неутомимымъ порицателемъ всѣхъ грековъ, который, при хорошемъ знаніи греческаго языка, всегда могъ замѣтить фальшь въ работахъ своего товарища по исправленіямъ и поднять изъ за нее тревогу.

Въ V и VI гл. г. Каптеревъ обозрѣваетъ русскую благотворительность православному Востоку, бывшую предметомъ живѣйшихъ сношеній между Москвою и востокомъ; этотъ предметъ даетъ автору матеріалъ для ряда новыхъ очерковъ, въ мрачныхъ краскахъ рисующихъ продѣлки, обманы и преступленія, какія производили въ Россіи сборщики милостыни и страждующіе іерархи и дѣйствительные, и самозванные. При этомъ авторъ излагаетъ и нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся по поводу обмановъ и злоупотребленій просителей въ Москвѣ, — здѣсь, по замѣчанію г. Знаменскаго, автора можно упрекнуть въ нѣсколько излишнемъ обобщеніи нарисованной имъ картины греческихъ злоупотребленій русскою щедростью.

Къ концу II отдѣла г. Каптеревымъ присоединены двѣ главы (по порядку VII и VIII), трактующія о политическихъ услугахъ грековъ русскому правительству, о вліяніи ихъ внушеній и извѣстій на русскую политику и о томъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ внушеній постепенно созрѣвало въ Россіи сознаніе ея высокой миссіи относительно освобожденія восточныхъ христіанъ изъ подъ турецкаго ига; въ началѣ VIII главы, между прочимъ, авторъ приводитъ любопытныя указанія на то, какъ между православнымъ народонаселеніемъ востока всегда жило убѣжденіе въ томъ, что христіанскіе

народы непремѣнно со временемъ должны освободиться отъ власти невѣрныхъ и что эту свободу дастъ имъ Русскій царь. Во имя такой идеи о высокомъ значеніи Россіи для Востока греки проявляли усердіе въ служеніи интересамъ Россіи отнюдь не изъ за корыстныхъ только побужденій, принимали живѣйшее участіе въ политической судьбѣ Россіи, старались, кромѣ передачи нужныхъ вѣстей, вліять на тѣ внутреннія наши дѣла, которыя возбуждали надежды на Русскую помощь въ дѣлѣ освобожденія Востока отъ Турокъ. Обзоръ содержанія VII и VIII гл. приводитъ рецензента къ заключенію, что эти двѣ главы—единственныя во всемъ сочиненіи, въ которыхъ говорится о заслугахъ грековъ; эти главы, говоритъ г. Знаменскій, пріятно отгѣняютъ остальные части сочиненія, въ которыхъ проводится сплошь отрицательный взглядъ на грековъ, и тѣмъ живѣе въ читателѣ возбуждается сожалѣніе, что авторъ не дополнилъ своего труда изображеніемъ другихъ положительныхъ сторонъ и заслугъ православнаго Востока, которыя были цѣнны для Россіи и поддерживали ее съ нимъ связи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ замѣчаетъ, что для болѣе яснаго и генетическаго развитія интереснаго предмета, затронутаго въ помянутыхъ VII и VIII главахъ, г. Каптеревъ поступилъ бы выгоднѣе, если бы обѣ главы слилъ въ одну и, не подводя многосложный матеріалъ подъ искусственныя рубрики: кто изъ грековъ, когда, по какимъ побужденіямъ, что переносилъ и какія внушенія дѣлалъ Московскому правительству — изложилъ бы этотъ матеріалъ въ болѣе естественномъ историческомъ порядкѣ, по главнымъ фазисамъ развитія восточной политики Россіи.

Обращаясь наконецъ къ *третьему* отдѣлу, носящему заглавіе: «Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ», рецензентъ указываетъ на то, что здѣсь авторъ отличается особенною тенденціозностію и стремленіемъ приурочивать факты къ подтвержденію его искусственной системы; эта тенденціозность и приводитъ г. Каптерева, въ дѣлаемомъ имъ здѣсь историческомъ очеркѣ судьбы греческаго вліянія на русскія церковныя обстоятельства, и церковной дѣятельности патр. Никона, «къ смѣшенію разнородныхъ понятій и предметовъ», безъ должной критической ихъ сортировки, а въ конечномъ результатѣ г. Каптеревъ впадаетъ въ погрѣшности и относительно капитальнѣйшихъ выводовъ о томъ, *когда и почему* пало на Руси византійское вліяніе. Въ дѣйствительности, если московскіе люди и узнавали о язвахъ и болѣзняхъ греческой церкви, то въ значительной степени отъ

самихъ же грековъ, которые первые жаловались на эти язвы, съ цѣлью подвинуть русское правительство на помощь своей угнетенной и страждущей церкви, каковая цѣль и была ими успѣшно достигаема. Затѣмъ, по замѣчанію рецензента, самыя перемѣны въ отношеніяхъ русскихъ къ грекамъ зависѣли лишь отъ большей или меньшей надобности въ грекахъ для рѣшенія возбуждавшихся въ то или другое время церковныхъ вопросовъ, но, вообще говоря, старое до-Петровское образованіе русскихъ людей, основанное на религіи и церковности, вплоть до самой реформы оставалось генетически связаннымъ съ византійскимъ образованіемъ, и едва ли справедливо думать, что въ XVIII в. византійское вліяніе совершенно прекратилось на Руси. Въ началѣ XVIII в. Русское общество лишь отвернулось отъ византійскаго вліянія, точно такъ же, какъ и отъ полу-латинскаго кievскаго духовнаго образованія.

На основаніи вышеизложеннаго г. Знаменскій заключаетъ свою рецензію слѣдующими соображеніями: «Намъ пришлось сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно недостатковъ сочиненія г. Каптерева. Замѣчанія эти сводятся всѣ, главнымъ образомъ, къ указанію обозначеннаго въ рецензіи пробѣла, допущеннаго авторомъ въ своемъ изслѣдованіи, и къ группировкѣ фактовъ по началамъ искусственно придуманной системы и по теоретически составленнымъ рубрикамъ. Вопросъ о полнотѣ изслѣдованія имѣетъ довольно условный характеръ; въ извиненіе автора нельзя не замѣтить, что онъ упустилъ изъ вниманія наиболее разработанную сторону своего предмета и очень можетъ быть, что сдѣлалъ это нарочно. Что же касается до предвзятыхъ мыслей его общей системы, которыя проходятъ по всему его сочиненію, то объ нихъ нужно замѣтить, что онѣ съ сочиненіемъ вовсе не связаны органически; съ начала до конца онѣ представляютъ изъ себя что-то приставное, нисколько не мѣшающее автору изслѣдовать каждую отдѣльную группу фактовъ совершенно научнымъ способомъ. Эти небольшія слабости разсматриваемаго труда вполнѣ искупаются его высокими научными достоинствами. Это — трудъ 1) впервые открывающій въ нашей литературѣ цѣлую обширную и важную отрасль отечественной исторіи, которая до г. Каптерева только слегка и довольно неумѣло была затронута однимъ Муравьевымъ; 2) вполнѣ самостоятельный, выполненный на основаніи исключительно архивныхъ, за немногими исключеніями, совершенно доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ, стоявшій автору упорной и продолжительной работы, 3) разработанный, за малыми исключеніями,

методомъ строго научнымъ и предлагающій читателю рядъ тщательно провѣренныхъ критикою и обслѣдованныхъ фактовъ, но въ такомъ видѣ, что факты эти, благодаря характернымъ извлеченіямъ въ ихъ краткомъ пересказѣ изъ источниковъ, могутъ, въ случаѣ нужды, для неимѣющихъ доступа къ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, съ пользою замѣнить указанія самихъ архивныхъ документовъ, и наконецъ 4) трудъ, обладающій въ самомъ изложеніи большими литературными достоинствами».

Поэтому рецензентъ полагаетъ, что г. Каптеревъ своимъ настоящимъ сочиненіемъ вполне заслужилъ поощренія, выдачею ему отъ Академіи Наукъ если не полной, то, по крайней мѣрѣ, меньшей награды графа Уварова.

II.

Исторія Киевской Духовной Академіи. Выпускъ. I. Періодъ до-Могиланскій. Соч. доцента Киевской Духовной Академіи Степ. Тимоф. Голубева.

Нашъ многозаслуженный Членъ-корреспондентъ Илар. Алексѣев. Чистовичъ составилъ, по приглашенію Академіи, разборъ сочиненія г. Голубева и тѣмъ доставилъ намъ возможность основать нашъ приговоръ объ этомъ сочиненіи на всѣми признанномъ авторитетѣ почтеннаго изслѣдователя исторіи нашихъ духовныхъ академій. Сочиненіе г. Голубева составляетъ лишь начало труда, рассчитаннаго на весьма значительные размѣры, и распадается на 4 главы: въ I-й устанавливается новое мнѣніе о времени возникновенія братства и училища въ Киевѣ, относимаго изслѣдователемъ не къ концу XVI, а къ началу XVII в.; II-я глава, служащая дополненіемъ первой, заключаетъ въ себѣ любопытныя генеалогическія и біографическія свѣденія о первой фундаторшѣ Киево-Братскаго монастыря, Галшкѣ (Аннѣ или Елизаветѣ) Гулевичъ, бывшей въ первомъ бракѣ за сыномъ извѣстнаго Поцѣя, впоследствии Уніатскаго митрополита. Въ III-й главѣ сообщаются краткія свѣденія о внутренней жизни Киево-Братской школы въ первое время ея существованія, о предметахъ преподаванія въ ней, о ректорахъ, учителяхъ и ученикахъ; а въ IV — о Могиланской школѣ въ Лаврѣ и послѣдовавшемъ соединеніи ея съ братскою въ одно училище.

Важнѣйшія замѣчанія, дѣлаемыя рецензентомъ при разсмотрѣніи каждой изъ этихъ главъ, сводятся къ слѣдующему.